

А.А. Романчук, протоиерей

СИНОДАЛЬНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ КОМИССИЯ БЕЛОРУССКОГО ЭКЗАРХАТА
МОСКОВСКОГО ПАТРИАРХАТА, МИНСКАЯ ДУХОВНАЯ СЕМИНАРИЯ,
ГРОДНО, БЕЛОРУССИЯ

К вопросу о значении упразднения Брестской церковной унии в пределах Российской империи для Русской Православной Церкви и белорусского народа

Аннотация. Статья посвящена раскрытию тех аспектов значения упразднения Брестской церковной унии в границах Российской империи с 1780 по 1875 год, осмысление которых остаётся актуальным для исторической и церковно-исторической науки. В статье делаются следующие выводы. 1) Воссоединение униатов с православными завершило многовековой период истории Русского Православия, который можно характеризовать как эпоху разделения. Формально каноническое разделение Русской Православной Церкви, сложившееся в середине XV века, было преодолено в конце XVII века, когда в 1686 году православные Речи Посполитой вошли в состав Московского Патриархата. А вот следствие канонического разделения — разделение западнорусского населения на православных и униатов — было преодолено только в 1875 году, когда к православному вероисповеданию вернулись 250 000 холмских униатов. 2) По итогам

воссоединения униатов с православными большая часть белорусско-украинского населения вернулась на православный путь ко спасению, к своим духовным истокам. Это освободило западноруссов от прививки чуждой для них западно-христианской формы духовности и польской культуры, послужило развитию естественных для народа православных форм религиозности во второй половине XIX века. Следствием этого стало возможным развитие самобытных белорусской и украинской культур как изводов общерусской культуры. 3) Воссоединение белорусско-украинских униатов с православными стало одним из самых значительных, если не сказать самым значительным, достижением Российской империи на присоединённых от Польши землях. Без этого события прочная всесторонняя интеграция западнорусских территорий с великорусскими губерниями была бы невозможна. 4) Прекращение действия Брестской унии остановило процесс вовлечения белорусов в Польский Костёл, духовно и культурно объединило белорусов, разрушив вполне прослеживаемую на географической карте религиозно-культурную границу, разделявшую народ. В 1839 году белорусы избавились от навязчивой латинизации, полонизации и пропаганды русофобии, вернулись в русский историко-культурный мир, в котором они получили возможность культивировать свою самобытность и не чувствовали себя людьми второго сорта, как было в Речи Посполитой.

Ключевые слова: Православие, католичество, Брестская церковная уния, воссоединение, упразднение, Белоруссия, белорусский народ, западноруссы

Для цитирования: Романчук А.А. К вопросу о значении упразднения Брестской церковной унии в пределах Российской империи для Русской Православной Церкви и белорусского народа. *Ортодоксия*. 2021; №2. С. 72–96. DOI: 10.53822/2712-9276-2021-2-72-96

Церковная уния, заключённая между иерархией Киевской митрополии Константинопольского патриархата и Римско-Католической Церковью в декабре 1595 года, во всеуслышание объявленная в Речи Посполитой в Бресте-Литовском в октябре 1596 года, стала следствием, во-первых, существования части Русской Церкви в условиях

католической государственности и, во-вторых, разделения в середине XV века Русской Церкви на автокефальную Московскую и оставшуюся в составе Константинопольского патриархата Литовскую митрополию. Также это стало результатом всё большего проникновения в XV–XVI веках на западнорусские территории католичества, поддерживаемого польско-литовским правительством и католическим шляхетским обществом Речи Посполитой. Брестская церковная уния завершила процесс расширения позиций Римско-Католической Церкви на будущих белорусско-украинских землях. По мысли её идеологов, после Брестского Собора 1596 года всё русское население Польско-Литовского государства превратилось в католиков-униатов. Поэтому вся история унии в XVII–XIX веках — это история усвоения западнорусским обществом религиозного нововведения 1596 года. Усвоение оказалось чрезмерно конфликтным, ослабило польско-литовскую государственность и послужило немаловажным фактором падения Речи Посполитой в последней четверти XVIII века.

Роль Брестской унии в истории современных Белоруссии, Украины, Литвы и восточных регионов Польши велика. Она была религиозным инструментом вестернизации русских подданных польской короны, превращения их в миссионеров католичества и западных культуртрегеров для Московского государства¹. В наши дни в оценках Брестской унии продолжают звучать взаимоисключающие мнения, что свидетельствует о продолжении политизированности этого церковного феномена. Мало того, мобилизационный ресурс осколка Брестской унии — Украинской греко-католической церкви — используется в политических целях на современной Украине. Также униатская тема привлекается для дестабилизации общественно-политической ситуации в Республике Беларусь. Поэтому осмысление феномена Брестской унии,

¹ Иезуит П. Пирлинг так описывает униатские планы Рима относительно восточного славянства в XVI веке: «Следует проникнуть в самое сердце славянского мира. Фактом является то, что несколько русских провинций находятся под польским господством. Их жители родственны москвитам; у них та же кровь, та же вера, тот же язык, но политическое будущее связано с судьбой Польши. Эти соотечественники имеют контакты с двумя славянскими центрами: Католическая Церковь может легко распространить своё влияние среди них: как только они выйдут из схизмы и обретут истинную веру, силою обстоятельств они станут апостолами новой веры для москвитов и через посредство последних будут найдены контакты с татарами Казани и Астрахани, горными народами Кавказа и мусульманами Азии» (Пирлинг 1912: 186). Таким образом, согласно замыслу Рима, церковная уния в Польско-Литовском государстве должна была стать примером и моделью русского католичества и предоставить Риму массу единоплеменных русским Московского государства латинских миссионеров (Пирлинг 1912).

а также определение значения её упразднения в границах Российской империи интересно не только с отвлечённой научной точки зрения, но имеет прикладное измерение, особенно в условиях переустройства мирового порядка в начале XXI века.

Предпосылкам и генезису церковного униатства на землях западной Руси посвящена многочисленная историческая литература. О становлении униатского церковного объединения историками сказано меньше. Ещё меньше исследователи уделили внимание разрыву церковной унии в пределах западных губерний Российской империи и на Холмщине, который продолжался с 1780 по 1875 год. Этой научной проблемой в наши дни занимаются за редким исключением те авторы, которые, мягко говоря, недоброжелательно настроены по отношению к Русской Православной Церкви. Между тем воссоединение униатов с православными в последней четверти XVIII и в XIX веке стало важным событием в жизни русского Православия и населения некогда единого региона, который в наши дни разделён границами Республики Беларусь, Украины, Литвы и Польши. Значение разрыва Брестской унии, несмотря на кажущуюся очевидность, до сих пор не раскрыто до конца, его определение остаётся актуальным для исторической и церковно-исторической науки.

Прежде чем размышлять о значении упразднения унии в Российской империи, нужно заметить, что уния сумела продержаться в её западных губерниях с 1772 по 1875 год, т. е. 103 года. Это объясняется тем, что в имперский период российское государство декларировало себя православным, но в своей религиозной политике оно придерживалось принципа веротерпимости². Также проблема межконфессиональных отношений в западных губерниях слишком тесно переплелась с культурными, социально-экономическими и политическими вопросами. В совокупности всё это тормозило восстановление позиций Православия за счёт воссоединения униатов, особенно в тех регионах, где влияние католичества и полонизма было наиболее сильным — на территории современной западной и центральной Белоруссии, а также на Холмщине. Поэтому воссоединение униатов с православными в границах России представляло собой сложный процесс, который шёл волнами. С 1780 по 1838 год из унии в Православие и из унии в католичество латинского обряда перешло приблизительно одинаковое число верующих: в православное вероисповедание обратилось

² Об этом см.: (Бендин 2010).

1 848 226 человек³; стали прихожанами костёлов более 1 700 000 верующих⁴. Чаша весов в пользу Православия оказалась сдвинута Полоцким объединительным Собором 1839 года, по итогам которого с Православной Церковью воссоединились 1 600 000 последователей унии: по Литовской епархии — 986 249, по Белорусской епархии — 613 751 человек⁵. После Полоцкого Собора уния в Российской империи продолжала действовать лишь в Царстве Польском, где до 1875 года оставалась Холмская униатская епархия, в которой насчитывалось более 200 000 верующих. В 1875 году на Холмщине в Православие перешли 252 священника и 246 приходов с 250 000 прихожан (Извлечение из всеподданнейшего отчёта обер-прокурора Святейшего Синода графа Д. Толстого... 1876: 19–20; Приложение № 11: 63), что поставило окончательную точку в истории Брестской унии в границах Российской империи.

Таким образом, в приобретённых от Речи Посполитой губерниях России с 1780 по 1875 год действие Брестской церковной унии прекратилось. При этом от унии в пользу Православия в общей сложности отказались 3 698 226 человек и более 1 700 000 униатов перешли в католичество латинского обряда.

Обращаясь к определению значения воссоединения западнорусских униатов с православными для Русской Православной Церкви, прежде всего, стоит обратить внимание на тот аспект, на который по какой-то причине православные историки последовательно не обращают внимание. Дело в том, что упразднение унии завершило многовековой период истории Русского Православия, который можно характеризовать как эпоху разделения.

Общеизвестно, что, начиная с первых десятилетий XIV века, не прекращались попытки выделить из состава Русской

³ По определению Синода, о затребовании от синодального члена, Псковского архиепископа Иннокентия и Могилёвского епископа Георгия ведомостей о количестве униатских церквей, ставших православными в их епархиях и уездах, и о количестве православных церковнослужителей в этих церквях. РГИА. Ф. 796. Оп. 62. Д. 217. Л. 8, 10–11 об., 17–17 об., 24–24 об., 28; ср. также: (Буглаков 2000: 299); О сообщении в Департамент Духовных Дел Иностранных Исповеданий сведений о числе присоединившихся Униатов в Западных Губерниях. РГИА. Ф. 797. Оп. 16. Д. 38385. Л. 11–12; Рапорты камергера Скрипицына по обозрению им грекоунитской епархии. РГИА. Ф. 797. Оп. 87. Д. 18. Л. 22.

⁴ Романчук, А.А., протоиерей. Динамика численности униатов в пределах Российской империи с 1772 по 1839 г. // Полоцкая епархия. — 2019, 15 марта. — URL: <https://eparhia992.by/2018-god-mitropolitai-osifasemashko/item/5810-dinamika-chislennosti-uniatov-v-predelakh-rossijskoj-imperii-s-1772-po-1839-g> (дата обращения: 23.08.2021).

⁵ О сообщении в Департамент Духовных Дел Иностранных Исповеданий сведений о числе присоединившихся Униатов в Западных Губерниях. РГИА. Ф. 797. Оп. 16. Д. 38385. Л. 11–13.

Церкви то отдельную Галицкую, то отдельную Литовскую митрополию⁶. В середине XV века произошло разделение Русской Православной Церкви на Литовскую в составе Константинопольского патриархата и автокефальную Московскую части. Каноническое разделение послужило причиной деградации церковной жизни на будущих белорусско-украинских землях и введению в конце XVI века церковной унии. Брестская уния 1596 года была призвана подменить собой Православие, бесповоротно вытеснить его из жизни русских подданных Польско-Литовского государства. В реальности же она разделила предков современных белорусов и украинцев между православной и католической конфессиями. О масштабе этого разделения к последней четверти XVIII века красноречиво говорят цифры. В 1772 году католическая церковь восточного обряда в Речи Посполитой насчитывала 9452 прихода (Radwan 2001: 21), распределённых по восьми епархиям. Число униатов составляло от 8 до 9 миллионов человек. В это же время на обширном пространстве современных Белоруссии, Литвы, Украины и восточной Польши действовала единственная православная епархия — Могилёвская, которая объединяла 470 приходов с 550 000 верующих (Mironowicz 2008: 287). Эти цифры свидетельствуют о том, что Православная Церковь в Речи Посполитой оказалась на обочине религиозной жизни западнорусского населения.

Формально каноническое разделение Русской Православной Церкви было преодолено в конце XVII века, когда в 1686 году православные Речи Посполитой вошли в состав Московского Патриархата. А вот следствие канонического разделения — разделение западнорусского населения на православных и униатов — было преодолено только в период с 1780 по 1875 год. Отсюда следует, что окончательным восстановлением единства Русской Православной Церкви, нарушенным в середине XV века, более правильным нужно считать не томос 1686 года, а возвращение к Православию 3 698 226 униатов, последними из которых оставили унию в 1875 году 250 000 человек на Холмщине. Русская Церковь не могла, да и не имела права, отказаться от своих чад, попытавшихся получить опыт церковной жизни под властью Римского папы.

⁶ Литовская митрополия была впервые учреждена в период с 1315 по 1319 год при великом князе Гедимине, неоднократно прекращала своё существование и восстанавливалась в зависимости от усилий русских митрополитов сохранить каноническое единство Русской Церкви и заинтересованности великолитовских правителей создать зависимую от государства Православную Церковь Великого княжества Литовского. Окончательно Литовская митрополия утвердилась после 1458 года в связи с деятельностью назначенного в Риме митрополитом Киевским и всея Руси униата Григория (Болгарина).

Иначе нужно было бы отказываться от представления о спасительности Православия. К тому же сами униаты продолжали считать себя частью Русской Церкви, и в конце XVIII и в XIX веке критически оценивали свой союз с Римом. Это сделало возможным их возвращение к православному вероисповеданию (Романчук 2018: 241–243). Поэтому с полным правом можно заявить: непреходящее значение упразднения Брестской унии для Русской Православной Церкви состоит не столько в присоединении к ней большой массы верующих, сколько в окончательном восстановлении единства после столетий разделения, продолжавшегося с 1458 по 1875 год.

В религиозно-культурном отношении значение упразднения унии в России представляет собой наиболее дискутируемую тему. С православной точки зрения это значение очевидно — большая часть белорусско-украинского населения вернулась на православный путь ко спасению, к своим духовным истокам. Это освободило западноруссов от прививки чуждой для них западно-христианской формы духовности и польской культуры, которую представляла из себя Брестская уния, послужило развитию естественных для народа православных форм религиозности во второй половине XIX века, следствием чего стало возможным развитие самобытных белорусской и украинской культур как изводов общерусской культуры.

Апологеты унии никогда не согласятся с православной оценкой результата упразднения унии. Факт выхода из-под власти Рима большой массы верующих воспринимается ими болезненно, что не позволяет им делать объективные выводы. Между тем, аргументированно оппонировать православной точке зрения они могут только доказав, что уния за два века своего действия в западнорусском регионе сумела превратить белорусских и украинских униатов в настоящих католиков. Однако сделать это без спекуляций на историческом материале у них не получается. Духовную бесплодность унии, правда, со ссылкой на классиков марксизма-ленинизма, современные белорусские противники Православия признают. «Факт сохранения под униатской оболочкой православной веры, — пишет защитница унии доктор исторических наук С.В. Морозова, — отмечен Ф. Энгельсом и подтверждён многочисленными источниками» (Марозава 2001: 84). Здесь ссылка на Энгельса представляется излишней. Дело в том, что на неспособность церковной унии изменить восточно-христианское мироощущение людей указывал

архиерей-воссоединитель Иосиф (Семашко) в процессе подготовки Полоцкого Собора 1839 года. В записке от 1 декабря 1838 года, адресованной обер-прокурору Св. Синода Н.А. Протасову, Семашко писал: «Народ униатский за весьма малым исключением, таков почти ныне, каков был до обращения его в унию» (Иосиф, (Семашко) 1883: 78–84). Именно на факте религиозной несостоятельности унии было построено всё дело её упразднения в период с 1780 по 1839 год и в 1875 году. Так что, учитывая ничтожные духовные плоды действия Брестской унии на белорусско-украинских землях, можно с полным правом говорить о благотворном для западноруссов — предков белорусов и украинцев — возвращении к праотеческой православной вере под властью России.

С политической точки зрения очевидно, что воссоединение белорусско-украинских униатов с православными стало одним из самых значительных, если не сказать самым значительным, достижением Российской империи на присоединённых от Польши землях. Без этого события прочная всесторонняя интеграция западнорусских территорий с великорусскими губерниями была бы невозможна. Это значение упразднения унии хорошо понимали некоторые представители российского правительства, например, высокопоставленный чиновник Св. Синода В. Скрипицын, непосредственно участвовавший в подготовке и проведении Полоцкого объединительного Собора в 1838–1839 годах. В одном из своих рапортов о движении униатов к соединению с Православной Церковью он писал: «В стране, где Римско-католическое Вероисповедание с давнего времени есть только политическое орудие, где некогда Польское Правительство победило им дух Русский, там, распространение Православия конечно вернее всего может определить степень истинной победы; ибо с сим пробуждаются народные предания, народные обычаи, народный язык и народная гордость, столь справедливо принадлежащая Россиянам, а с нею и преданность к Престолу и любовь к Отечеству. Следовательно, тогда лишь враждебный дух польский будет истинно покорён, когда в стране сей моральный перевес будет на стороне Православия, долженствующего восстановить твёрдую связь между, некогда отторгнутыми, потом возвращёнными Губерниями и сердцем России» (Рапорты камергера Скрипицына 1838: Л. 30–30 архивные материалы).

Из этих слов следует понимание Скрипицыным накануне Полоцкого Собора того факта, что возвращение униатов к Православию — это не шаг России к цивилизационной победе в западных губерниях,

а сама эта победа. Далеко не всем представителям российского правящего класса такое понимание было доступно. В результате Петербург не сумел в полной мере оценить значение воссоединения униатов и воспользоваться его плодами. Прежде всего, православному священноначалию, которое ощущало недостаточную моральную и материальную поддержку со стороны правительственных структур в 1840–1850-е годы, не удалось искоренить издревле сложившийся на белорусско-украинских землях стереотип о том, что католичество — это «панская вера». В итоге позиции католичества и полонизма в этом регионе не были бесповоротно подорваны. «Один раз, — пишет по этому вопросу А. Пыпин, — прошла в крае сильная полоса исторического движения — это уничтожение унии (1839); этот знаменательный факт мог бы навести местное общество на новые мысли о положении народного вопроса, но бытовая рутина была ещё так сильна, что это событие произвело, кажется, меньше впечатления и действия, чем можно было бы ожидать» (Пыпин 2005: 126).

Несмотря на все просчёты правительственной политики в середине XIX века, воссоединение униатов с православными создало прочный религиозно-культурный фундамент интеграции западных губерний в состав Российской империи. Интеграция Белоруссии и Украины в российскую государственность оказалась нарушена только при распаде СССР в 1991 году.

Рассуждая о политическом значении упразднения Брестской церковной унии на белорусско-украинских землях, которое завершилось на Полоцком Соборе 1839 года, нельзя обойти вниманием одно важное обстоятельство⁷. В православной историографии XIX века сложил-

⁷ Полоцкий Собор 1839 года не был случайным событием и не явился результатом давления на греко-католиков со стороны правительственных структур Российской империи. Воссоединение униатов с православными в 1839 году имело целый ряд объективных, как внутренних, так и внешних, и субъективных предпосылок. Исторические обстоятельства и сложное взаимодействие разнородных процессов, часть которых получила развитие ещё во времена Речи Посполитой, послужили возникновению в первой трети XIX века в среде униатского духовенства, совершавшего служение в пределах Российской империи, негативного отношения к союзу с Римом и симпатий к Православию. Можно утверждать, что главное, что привело унию к упразднению в 1839 году, было согласие униатского духовенства вернуться в Русскую Православную Церковь. Это согласие являлось осознанным и твёрдым, о чём свидетельствует тот факт, что во время восстания 1863–1864 годов, когда революционеры, стремившиеся восстановить Польшку-Литовское государство, призывали белорусское духовенство возродить унию, воссоединившиеся из унии священники и их сыновья — новое поколение белорусских пастырей — решительно отвергли эти призывы. Они были готовы быть ограбленными, оскорблёнными действием, избитыми и даже шли на смерть, но не соглашались отказаться от Православия и вернуться к унии.

ся стереотип, согласно которому воссоединение белорусских и украинских униатов с Православием нанесло католичеству в Белоруссии и на Украине сокрушительное поражение. С этим трудно согласиться в полной мере. Достаточно взглянуть на цифры.

Согласно подсчётам В. Колбука, в процессе разделов Речи Посполитой с 1772 по 1795 год подданными Российской империи стали 4 653 379 последователей унии (Kolbuk 1998: 50). В 1795 году в составе населения Российской империи белорусы составляли 8,3 %, а украинцы — 19,8 % (Миронов 2003: 25). Соотношение численности жителей современных белорусских и украинских земель, следовательно, составляло 1 : 2,385. Если произвольно спроецировать его на этническую структуру униатского населения, можно сделать вывод, что подданными России к 1795 году были 1 374 705 белорусских и 3 278 673 украинских униата. Известно, что среднегодовой прирост населения в белорусско-литовских губерниях (Виленская, Гродненская, Ковенская, Витебская, Минская, Могилёвская, Смоленская) с 1782 по 1857 год составлял 0,17 %, а среднегодовой прирост населения в губерниях правобережной Украины, в которых компактно проживали униаты (Подольская, Киевская, Волынская), с 1795 по 1857 год составлял 0,55 % (Миронов 2003: 23). Учитывая эти данные, можно приблизительно рассчитать сколько униатов должно было проживать в России в 1839 году. Их численность должна была составлять 5 549 645 человек (4 072 112 украинца и 1 477 533 белоруса). Известно количество униатов, вернувшихся в Православие с 1780 по 1839 год — 3 448 226 верующих. Отсюда следует, что из униатских церквей в костёлы с 1780 по 1839 год перешли 2 101 419 человек. От этого числа нужно отнять 200 000 холмских униатов, вернувшихся в Православие в 1875 году, что в итоге даёт 1 901 419 человек. Это число далеко от точности, поскольку является результатом не слишком корректной методики подсчётов и слабо учитывает значительное число униатов, перешедших в Православие в 1780–1784 и в 1794–1795 годах. К тому же массовый переход униатов в костёлы захватил часть тех бывших греко-католиков, которые воссоединились с Православием в последние годы правления императрицы Екатерины II. Точные цифры неизвестны, но имеются сведения, что только в южных уездах Минской губернии после 1797 года из православных храмов в костёлы в полном составе перешли прихожане 44 приходов (Записка об упразднении... 1870: 526), что, учитывая среднее

количество прихожан в униатских приходах того времени — 821 человек (Radwan 2001: 68), превышало 36 000 верующих. Отсюда следует, что число латинизировавшихся униатов простиралось от 1 700 000 до 1 800 000 верующих⁸, как и было сказано выше.

Чтобы более точно определить количество перешедших в костёлы униатов, нужно проводить скрупулёзное дополнительное исследование. В то же время, даже учитывая несовершенство использованного подхода, можно говорить, что возвращение западнорусских униатов к Православию сопровождалось оттоком униатского населения в латинский обряд в соотношении не менее, чем 1 : 2. Отсюда следует, что католичество в пределах Российской империи с 1780 по 1839 год потерпело тяжёлое поражение, но далеко не катастрофу.

Мало того, поражение католичества на, если так можно выразиться, униатском фронте было тактическим. На самом деле в Белоруссии упразднение унии стало его крупной стратегической победой. Дело в том, что приток латинизантов⁹ значительно расширил и укрепил социальную базу католичества латинского обряда, т. к. в костёлы пришли большие массы крестьянского населения, чего во времена Речи Посполитой не наблюдалось. В результате католичество латинского обряда из вероисповедания высшего и части среднего слоёв общества западных губерний превратилось в вероисповедание части простого народа, и в наши дни 12 % белорусов относят себя к католикам и, соответственно, считают себя поляками. Это имело и продолжает иметь далеко идущие последствия для религиозно-культурной и общественно-политической жизни в Белоруссии.

Значение упразднения Брестской унии для современного Белорусского Православия — иначе, Белорусского Экзархата Московского Патриархата — очевидно. В конце XVIII века на территории современных Белоруссии, Литвы и восточных воеводств Польши проживало около трех миллионов человек. 39 % от общего количества белорусов, поляков и литовцев были униатами, 38 % принадлежали Католической Церкви латинского обряда, 6,5 % исповедовали Православие, остальные были староверами и протестантами. Из этих данных следует,

⁸ Романчук А.А., протоиерей. Динамика численности униатов в пределах Российской империи с 1772 по 1839 г. // *Полоцкая епархия*. — 2019, 15 марта. — URL: <https://eparhia992.by/2018-god-mitropolita-iosifasemashko/item/5810-dinamika-chislennosti-uniatov-v-predelakh-rossijskoj-imperii-s-1772-po-1839-g> (дата обращения: 23.08.2021).

⁹ Так в XIX веке называли тех униатов, которые перешли на латинский обряд.

что не менее 80 % белорусских крестьян, а также наиболее бедная часть шляхты и мещан являлись униатами (Філатава 1997: 84–88)¹⁰. Это говорит о том, что до воссоединения униатов с православными Белоруссия представляла собой католическую страну. После воссоединения униатов Белоруссия превратилась в православную страну. То, что в начале XXI века в Республике Беларусь 85 % верующих причисляют себя к Православной Церкви, является результатом упразднения Брестской церковной унии и дальнейшей интеграции бывших белорусских униатов в состав Русской Православной Церкви.

Определяя значение упразднения Брестской унии для белорусского народа, нужно обратить внимание на следующее. В 1772 году на территории современной Белоруссии располагались всего 229 православных приходов (Mironowicz 2008: 287). К 1803 году за счёт воссоединения униатов их число возросло до 658: в Минской епархии — 273, в Могилёвской — 385 (Могилёвская епархия 1893: 46; Рункевич 1893: 311). Точно количество православных верующих неизвестно, по всей вероятности оно достигало 500 000 человек. В том же 1803 году количество униатов в западных губерниях составляло 1 538 890 человек (Могилёвская епархия 1893: 70). Из них на территории современной Украины оставалось лишь 94 977 верующих (Radwan 2001: 29, 72), остальные проживали на белорусских землях. Это говорит о слабой вовлечённости белорусских униатов в процесс возвращения к Православию в конце XVIII века. Их желание остаться в унии на переломе XVIII и XIX веков было связано с условиями, сложившимися на этих территориях исторически.

Во-первых, в Белоруссии уния за два столетия своего существования сумела создать устойчивые церковно-административные структуры и находилась под сильным влиянием Католической Церкви латинского обряда, чего не наблюдалось на украинских землях.

Во-вторых, белорусская знать во времена Речи Посполитой перешла в костёлы, где подверглась полонизации. Патриоты Польско-Литовского государства, мечтавшие о его возрождении, страдали русофобией и не сочувствовали возрождению Православия в крае. Поэтому, несмотря на запрет мешать свободному волеизъявлению народа

¹⁰ Такие цифры не бесспорны, они часто ставятся под сомнение авторами, стоящими на православных позициях. Но представляется, что критика этих статистических данных не имеет смысла, поскольку, по большому счёту, они ничего не значат после возвращения униатов в Православие в 1839 году. Более того, заслуги перед православием людей, послуживших разрыву церковного союза с Римом, тем значительнее, чем большую в количественном отношении величину представляла из себя уния.

в вопросах выбора конфессиональной принадлежности, содержащемся в указах и распоряжениях императрицы Екатерины II в 1794–1795 годах (Полное собрание законов Российской империи 1830: 509–511), белорусские помещики-католики, в чьих руках находилось материальное благополучие крестьян и пользовавшиеся большим на них моральным влиянием, во многих случаях подавляли желание народа оставить унию и перейти в Православие¹¹.

В-третьих, простые верующие в Беларуси в начале XIX века отличались социальной неразвитостью. Они не разбирались в религиозных вопросах, были склонны к обрядоверию, свойственному всем восточным славянам, видели в унию свою родную церковную древность — обряд отцов и дедов. Они не понимали, зачем нужно что-либо менять в привычной религиозной жизни. Тем более что изменения, к которым их призывали православные миссионеры и российские правительственные чиновники, оказывались связанными с неудовольствием господствующей в крае католической шляхты, власть которой не была подорвана российской властью.

Таким образом, в первые годы XIX века униатское население в пределах Российской империи оказалось преимущественно сконцентрировано в Белоруссии — около 1 500 000 человек. В православных епархиях, действовавших на белорусских землях в это время, насчитывалось около 600 000 верующих.

Эти цифры, на первый взгляд, говорят о том, что православные в конфессиональной структуре белорусского общества в начале XIX века составляли меньшинство, и предки современных белорусов были консолидированы унией, что позволяет говорить об унии как религии, способствовавшей национальному самоопределению белорусов. Такой поверхностный вывод делают многие белорусские историки. Однако они в свою очередь не учитывают два обстоятельства.

Во-первых, территория современной Белоруссии была разрезана конфессиональной границей примерно от пункта на границе между современными Витебской и Могилёвской областями через восточные районы современной Минской области к Пинску. На Востоке и Юго-Востоке Белоруссии было сосредоточено православное население. Северо-Восток, западная часть центра, Запад и Юго-Запад Белоруссии являлись регионами компактного проживания униатов. В результате

¹¹ Об этом см., например: (Рункевич 1893).

униаты и православные существовали обособленно друг от друга. Например, в Гродненской губернии, занимавшей в XIX веке территорию современных Гродненской и большей части Брестской областей, действовали только 4 православных прихода — в Бресте, Бельске, Заблудове и Дрогичине, да и те обслуживали военных и чиновников (Корчинский 1902: 5). Сложившееся в первой трети XIX века положение несло для белорусского народа очевидную угрозу религиозно-культурного разделения, образец которого перед глазами — это Запад и Восток современной Украины. Этногенез белорусов в конце XIX века и создание в СССР в XX веке белорусской национальной государственности в таких обстоятельствах были бы невозможны.

Во-вторых, заблуждением является представление о том, что уния была способна стать духовным фундаментом возникновения белорусской нации на той территории, где она численно господствовала. Дело в том, что уния была беззащитна перед латинским прозелитизмом, а также процессами полонизации и латинизации церковной жизни белорусов. Об опасности для унии латинского прозелитизма свидетельствует то, что с 1805 по 1828 год, невзирая на неоднократно повторяемое российским правительством законодательное запрещение¹², из унии в костёлы перешли не менее 200 000 верующих (Бобровский 1890: 163–164). В результате в эти годы наблюдался очень незначительный рост численности униатов. В свою очередь латинизация церковной жизни белорусов и полонизация белорусского униатского духовенства вели унию к поглощению Польским Католичеством и перерождению белорусов-униатов в так называемых «костёльных поляков». Некоторые белорусские учёные стараются доказать, что степень опасности поглощения унии католичеством латинского обряда увеличивается православными историками. Однако как объяснить тот факт, что в записке, адресованной графу З.Г. Чернышеву, датированной 2 июля 1805 года, глава униатов в пределах Российской империи архиепископ Ираклий (Лисовский) прямо просил этого сановника обратить внимание царя на проблему спасения униатов от латинян¹³. Чернышев в письме к императору Александру I писал, что Лисовский умоляет его

¹² Эти запрещения в соединении с требованиями к латинскому духовенству ни в чём не стеснять свободу совести униатского населения повторялись в 1803, 1804, 1806, 1807 и 1810 годах (Акты, издаваемые Виленскою Археографическою комиссиею... 1889: 36–37, 39–41, 41–42, 78, 82, 90, 98–99).

¹³ По отношению Полоцкого архиепископа Лисовского, о делаемых латинским духовенством униатскому притеснениях. РГИА. Ф. 797. Оп. 6. Д. 22303. Л. 26–27.

«доставить униатам справедливую защиту»¹⁴. Нужно представить себе степень трагичности и безвыходности обстоятельств, которые должны были заставить католического униатского архиерея умолять православное правительство защитить его паству от католической иерархии латинского обряда. И это только один маленький факт, свидетельствующий о катастрофическом бессилии унии перед лицом латинства в начале XIX века, а таких фактов огромное множество.

Помимо этого, уния, терзаемая накопившимися ещё со времён Речи Посполитой кризисными явлениями, не обладала ни материальными средствами, ни организационным ресурсом, ни интеллектуальным потенциалом для того, чтобы заниматься культурным проектом белорусского национального строительства. Такого проекта, собственно говоря, тогда ещё не существовало, да и не могло существовать, поскольку белорусы были лишены культуuroобразующей элиты общества — шляхты. Единственная группа униатского духовенства, которая обладала определённой культурной силой — это было базилианское монашество. Почти при каждом монастыре базилиане содержали, как правило, небольшие начальные «школки», в которых светская молодёжь могла получить начальное образование. Но члены базилианского ордена были сторонниками слияния унии и католичества латинского обряда. Две трети базилиан в первой трети XIX века были выходцами из католической шляхты¹⁵ и, соответственно, патриотами Польши. Выпускники базилианских школ считали польский язык и польскую культуру родными для себя, а всё русское рассматривали как отсталое и ущербное. Формированием белорусской культурной элиты базилиане не занимались. Так что уния не способствовала, да и не могла способствовать росту белорусского национального самосознания. К концу XVIII и в XIX веке она в полной мере представляла собой почву для роста и усиления Польского Католичества, цивилизационную псевдоморфозу и, как следствие, инструмент денационализации западнорусского населения.

¹⁴ Там же. Л. 28 об.

¹⁵ Визитация 37 базилианских монастырей архимандритом Иосафатом (Жарским) в 1832 году вскрыла, что даже после разрешения в 1828 году униатским монахам, поступившим в орден из латинского обряда, свободно возвращаться в латинство, во многих обителях выходцы из униатского обряда составляли меньшинство. Например, в Витебском монастыре из 11 монахов 6 были латинянами (Обозрение важнейших Базилианских монастырей, произведённое по Высочайшему повелению членом Коллегии Греко-униатской Архимандритом Иосафатом Жарским. РГИА. Ф. 824. Оп. 2. Д. 213. Л. 2); в Березвечном из 9 иноков римскому обряду принадлежали 4 (Там же, Л. 4); в Борунском из 11 — 7 (Там же, Л. 5); в Виленском из 14 — 9 (Там же, Л. 7) и т. д.

Отсюда становится понятным значение прекращения действия Брестской унии для белорусского народа. Оно, завершившееся в Белоруссии на Полоцком объединительном Соборе 1839 года, остановило процесс вовлечения белорусов в Польский Костёл, духовно и культурно объединило белорусов, разрушив вполне прослеживаемую на географической карте религиозно-культурную границу, разделявшую народ. В 1839 году белорусы избавились от навязчивой латинизации, полонизации и пропаганды русофобии, вернулись в русский историко-культурный мир, в котором они получили возможность культивировать свою самобытность и не чувствовали себя людьми второго сорта, как это было в Речи Посполитой. В итоге православные белорусы не растворились в великорусском море. После отказа от унии они осознали своё особое место в структуре общерусского единства. Проще говоря, воссоединившиеся с Православием белорусы и их потомки развили своё этническое белорусское самосознание. А вот те белорусы, которые из унии перешли в костёлы, и их потомки стали считать себя частью польского народа.

Таким образом, упразднение унии в 1839 году стало отправной точкой для становления современного белорусского национального самосознания, развития самобытной белорусской культуры и возникновения современной белорусской государственности. Полоцкий Собор — это не трагедия белорусов, как его сейчас пытаются представить, а их спасение на краю пропасти исторического небытия. «По нашему мнению, — пишет известный белорусский политолог профессор В.А. Мельник, — в период вхождения Белой Руси в состав Российской империи были подготовлены этнические, социальные, экономические, политические и духовные предпосылки для становления наконец собственно белорусской или, точнее, национальной белорусской государственности» (Мельник 2000: 183). Тут нужно уточнить: этнические, социальные, политические и духовные предпосылки современной белорусской государственности не могли возникнуть без воссоединения униатов с православными, произошедшего на Полоцком Соборе 1839 года. В этом и состоит непреходящее значение прекращения действия Брестской церковной унии в исторической судьбе белорусского народа.

Таким образом, прекращение действия Брестской церковной унии в границах Российской империи, продолжавшееся с 1780 по 1875 год, завершило длительный период разделения Русской Православной Церкви,

начавшееся в середине XV века. Упразднение унии не обошлось без потерь для Православия и приобретений для католичества. Более 1 700 000 униатов, которые предпочли не возвращаться к православному вероисповеданию, представляют собой плод исторической актуализации идеи церковной унии на западнорусских землях. Однако почти 3 700 000 воссоединившихся с Православием униатов — это свидетельство духовной силы православной веры и ментальной стойкости белорусского и украинского народов, сумевших в крайне неблагоприятных условиях в течение нескольких столетий под спудом унии сохранить свою русскую идентичность и православное мироощущение. Воссоединение западнорусских униатов с Православием на более чем 150 лет, вплоть до 1991 года, обеспечило политическую интеграцию всех русских территорий. Для белорусского народа оно имеет непреходящее значение. Без объединения белорусов православной верой, без остановки процесса поглощения их церковной жизни Польским Католичеством и устранения давления на них со стороны полонизма, чему способствовала уния, развитие белорусской культуры, становление белорусского национального самосознания и строительство современной белорусской государственности было бы невозможно.

Осмысление значения упразднения Брестской церковной унии в границах Российской империи в конце XVIII и XIX веков подводит к общему выводу о ценности канонического единства Русской Православной Церкви и соединённого с ним общерусского единства. Без первого не может быть второго, какие бы политические формы оно ни принимало. Об этом свидетельствует богатый русский опыт разделений, их уврачевания и преодоления их последствий.

Об авторе:

Романчук Александр Александрович, протоиерей — кандидат богословия, председатель Синодальной исторической комиссии Белорусского Экзархата Московского Патриархата, заведующий кафедрой церковной истории и церковно-практических дисциплин Минской духовной семинарии; 231822, Беларусь, Гродненская область, Слонимский район, агрогородок Жировичи, ул. Соборная, 55, e-mail: romanchuk_alex@mail.ru

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

Акты, издаваемые Виленскою Археографическою комиссиею: в 39 т. — Вильна : Типография А. Г. Сыркина, 1889. — Т. 16 : Документы, относящиеся к истории церковной Унии в России. — 704 с.

Бендин, А. Ю. Проблемы веротерпимости в Северо-Западном крае Российской империи (1863–1914 гг.) / А. Ю. Бендин. — Минск : БГУ, 2010. — 439 с.: ил.

Бобровский, П. О. Русская Греко-Униатская церковь в царствование императора Александра I. Историческое исследование по архивным документам / [Соч.] П. О. Бобровского. — СПб.: Типография В. С. Балашева, 1890. — 394 с.

Бутлаков, М. (священник). Преосвященный Георгий Конисский, Архиепископ Могилевский / священник М. Бутлаков. — Минск : Виноград, 2000. — 656 с.

Записка об упразднении греко-униатских монастырей в Западной России 28 февраля 1828 года // Русская старина. — 1870. — Т. 1. — С. 517–538.

Извлечение из всеподданнейшего отчета обер-прокурора Святейшего Синода графа Д. Толстого по ведомству православного исповедания за 1875 год. — СПб.: В Синодальной типографии, 1876. — 283 с. (Приложения. — 125 с.).

Иосиф (Семашко; митрополит). Записка от 1 декабря 1838 г., о способах порешить окончательно воссоединение униатов с Православной Церковью / митрополит Иосиф (Семашко) // Записки Иосифа митрополита Литовского, изданные Императорскою Академиею Наук по завещанию автора : в 3 т. — СПб.: Типография императорской Академии Наук, 1883. — Т. 2. — 786 с.

Корчинский, И. (священник). Столетие Гродненской губернии / священник И. Корчинский // Гродненские Епархиальные ведомости. — 1902. — № 2. — С. 5.

Марозава, С. В. Уніяцкая царква ў этнакультурным развіцці Беларусі (1596-1839 гады) / С. В. Марозава. — Гродна : ГрДУ, 2001. — 352 с.

Мельник, В. А. Республика Беларусь: власть, политика, идеология: Практическая политология / В. А. Мельник. — 2-е изд., исправ. и доп. — Минск : Тесей, 2000. — 240 с.

Миронов, Б. Н. Социальная история России периода империи (XVIII–начало XX в.) : в 2 т. / Б. Н. Миронов. — СПб. : Дмитрий Буланин, 2003. — Т. 1: Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. — 549 с.

Могилевская епархия. Историко-статистическое описание / под ред. протоиерея Н. Зефирова. — Могилев : Скоропечатня и литография Ш. Фридланда, 1908. — Т. 1, вып. 2, ч. 2. — 382 с.

Пирлинг, П. Россия и папский престол / П. Пирлинг. — М. : Печатня А. Л. Будо, 1912. — Кн. I: Русские и Флорентийский собор. — 452 с.

Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. 1649–1825 : в 45 т. / под ред. М. М. Сперанского. — СПб. : Печатано в Типографии II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. — Т. 23. — С. 969.

Пыпин, А. Н. История русской этнографии / А. Н. Пыпин — Минск : БелЭн, 2005. — 256 с.

О сообщении в Департамент Духовных Дел Иностранных Исповеданий сведений о числе присоединившихся Униатов в Западных Губерниях // Российский государственный исторический архив (РГИА). — Ф. 797. Оп. 16. Д. 38385.

Обозрение важнейших Базилианских монастырей, произведенное по Высочайшему повелению членом Коллегии Греко-унитской Архимандритом Иосафатом Жарским // Российский государственный исторический архив (РГИА). — Ф. 824. Оп. 2. Д. 213.

По определению Синода, о затребовании от синодального члена, Псковского архиепископа Иннокентия и Могилевского епископа Георгия ведомостей о количестве униатских церквей, ставших православными в их епархиях и уездах и о количестве православных церковнослужителей в этих церквях // Российский государственный исторический архив (РГИА). — Ф. 796. Оп. 62. Д. 217.

По отношению Полоцкого архиепископа Лисовского, о делаемых латинским духовенством униатскому притеснениях // Российский государственный исторический архив (РГИА). — Ф. 797. Оп. 6. Д. 22303.

Репорты камергера Скрипицына по обозрению им грекоунитской епархии // Российский государственный исторический архив (РГИА). — Ф. 797. Оп. 87. Д. 18.

Романчук, А. А. (протоиерей). Митрополит Иосиф (Семашко): очерк жизни и церковно-общественной деятельности / А. А. Романчук. — М.—Минск : Общество любителей церковной истории, 2018. — 443 с.

Рункевич, С. Г. История Минской архиепископии (1793–1832) / С. Г. Рункевич. — СПб. : Типография А. Катанского и К°, 1893. — 622 с.

Kołbuk, W. Kościoły wschodnie w Rzeczypospolitej około 1772 roku / W. Kołbuk. — Lublin : Instytut Europy Środkowo Wschodniej, 1998. — 460 s.

Філатава, А. Палітыка царскага ўраду ў адносінах да уніяцкай царквы (1772–1838) / А. Філатава // Брэсцкай царкоўнай уніі — 400 : матэрыялы Міжнар. навук. канф., Брэст, 8–9 кастрычніка 1996 г. — Брэст : БрДУ, 1997. — С. 84–88.

Mironowicz, A. Diecezja białoruska w XVII i XVIII wieku / A. Mironowicz— Białystok : Wydawnictwo uniwersytetu w Białymstoku, 2008. — 351 s.

Radwan, M. Carat wobec kościoła greckokatolickiego w zaborze Rosyjskim 1796–1839 / M. Radwan. — Roma; Lublin : Polski instytut kultury chrześcijańskiej, 2001. — 504 s.

Significance of abolishing the Brest Church Union within the Russian Empire for the Russian Orthodox Church and the Byelarussian People

A. A. Romanchuk, archpriest

SYNODAL HISTORICAL COMMISSION OF THE BYELARUSSIAN EXARCHATE
OF THE MOSCOW PATRIARCHATE, MINSK THEOLOGICAL SEMINARY,
GRODNO, BYELORUSSIA

Abstract: This article discloses those aspects of abolishing the Brest Church Union within the borders of the Russian Empire in 1780–1875, the comprehension of which remains relevant for historical and church-historical science. The author draws the following conclusions: 1) The reunification of the Uniates with the Orthodox completed a centuries-old period in the history of Russian Orthodoxy, which can be characterized as an era of separation. Formally, the canonical division of the Russian Orthodox Church, which took shape in the mid-15th century, was overcome at the end of the 17th century, when in 1686, the Orthodox of Rzeczpospolita became part of the Moscow Patriarchate. However, the consequence of the canonical division — the division of the Western Russian population into Orthodox and Uniates — was overcome only in 1875, when 250,000 Uniates returned to the Orthodox faith. 2) As a result of the Uniates' reunification with the Orthodox, most of the Byelarussian–Ukrainian population returned to the Orthodox path to their salvation and spiritual origins. This freed the Western Russians from the grafting of the alien to them Western Christian form of spirituality and Polish culture

and served to develop the Orthodox forms of religiosity natural to the people in the second half of the 19th century. Therefore, the development of distinctive Byelarussian and Ukrainian cultures as branches of all-Russian culture became possible. 3) The reunification of the Byelarussian–Ukrainian Uniates with the Orthodox was one of, if not the most, significant achievements of the Russian Empire in the lands annexed from Poland. Without this event, a lasting comprehensive integration of the Western Russian territories with the Great Russian provinces would not have been possible. 4) The termination of the Brest Pact halted the process of the involvement of the Byelarussians in the Polish Church and united the Byelarussians spiritually and culturally, having destroyed the religious and cultural boundary which divided the people, and which could be traced on the geographical map. In 1839, the Byelarussians got rid of the intrusive Romanization, Polonization and Russophobia propaganda and returned to the Russian historical and cultural world, where they got the opportunity to cultivate their identity and did not feel like second-rate people, as they did in the Commonwealth of Poland.

Keywords: Orthodoxy, Catholicism, Brest Union, reunification, abolition, Byelarus, Byelarussian people, Western Russians

For citation: Romanchuk A. A. Significance of abolishing the Brest Church Union within the Russian Empire for the Russian Orthodox Church and the Byelarussian People. *Orthodoxia*. 2021. №2. С. 72–96. DOI: 10.53822/2712-9276-2021-2-72-96

About the author

Alexander Alexandrovich Romanchuk — Archpriest, Candidate of Theological Sciences, Chairman of the Synodal Historical Commission of the Belarusian Exarchate of the Moscow Patriarchate, Head of the Department of Church History and Church Practical Disciplines, Minsk Theological Seminary, 55 Sobornaya Street, Slonim District, Grodno Region, Byelarus, 231822, Zhirovichi Agricultural Town, e-mail: romanchuk_alex@mail.ru

REFERENCES

Akty, izdavayemyye Vilenskoyu Arkheograficheskoyu komissiyeyu [Acts, published by the Vilna Archeographic Commission] (1889). (Vol. 16). Vilna: Tipografiya A. G. Syrkina. [In Russian].

Bendin, A. Yu. (2010). *Problemy veroterpimosti v Severo-Zapadnom krae Rossiyskoy imperii (1863–1914 gg.)* [Problems of Religious Tolerance in the North-Western Region of the Russian Empire (1863–1914)]. Minsk: Belarusian State University. [In Russian].

Bobrovskiy, P. O. (1890). *Russkaya Greko-Uniatskaya tserkov' v tsarstvovanie imperatora Aleksandra I. Istoricheskoe issledovanie po arkhivnym dokumentam* [Russian Greek–Uniat Church during the Reign of Emperor Alexander I. Historical Research from Archival Documents]. St. Petersburg: Tipografiya V. S. Balasheva. [In Russian].

Buglakov, M. (2000). *Preosvyashchennyy Georgiy Konisskiy, Arkhiyeiskop Mogilevskiy* [Reverend George Konisky, Archbishop of Mogilev]. Minsk: Vinograd. [In Russian].

Zapiska ob uprazhnenii greko-uniatskikh monastyrey v Zapadnoy Rossii 28 fevralya 1828 goda [Note on the abolition of the Greek-Uniat monasteries in Western Russia on 28 February 1828]. (1870). *Russkaya starina*, 1, 517–538. [In Russian].

Izvlechenie iz vsepoddanneyshego otcheta ober-prokurora Svyateyshego Sinoda grafa D. Tolstogo po vedomstvu pravoslavno-go ispovedaniya za 1875 god [Extract from the report of the chief procurator of the Holy Synod, count D. Tolstoy for the department of Orthodoxy in 1875] (1876). St. Petersburg: V Sinal'noy tipografii. [In Russian].

Józef (Siemaszko) (mitropolit). (1883). *Zapiska ot 1 dekabrya 1838 g., o sposobakh poreshit' okonchatel'no vossoedinenie uniatov s Pravoslavnoy Tserkov'yu* [Note dated December 1, 1838, on ways to resolve finally the reunion of the Uniates with the Orthodox Church]. In *Zapiski Iosifa mitropolita Litovskogo, izdannye Imperatorskoyu Akademiiy Nauk po zaveshchaniyu avtora* [Notes of Joseph Metropolitan of Lithuania, Published by the Imperial Academy of Sciences according to the Will of the Author]. (Vol. 2). St. Petersburg: Tipografiya imperatorskoy Akademii Nauk. [In Russian].

Korchinskiy, I. (1902). *Stoletie Grodnenskoj gubernii* [Centenary of the Grodno Province]. *Grodnenskie Eparkhial'nye vedomosti* [Grodno Diocesan Gazette], (2), 5. [In Russian].

Marozava, S. V. (2001). *Uniyatskaya tsarkva ŷ etnakul'turnym razvitstsi Belarusi (1596–1839 gady)* [Uniate Church in the ethnocultural development of Belarus (1596–1839)]. Grodna: Grodno State University. [In Belarusian].

Melnik, V. A. (2000). *Respublika Belarus': vlast', politika, ideologiya: Prakticheskaya politologiya* [The Republic of Belarus: Power, Politics, Ideology: Practical Political Science] (2nd ed.). Minsk: Tesey. [In Russian].

Mironov, B. N. (2003). *Sotsial'naya istoriya Rossii perioda imperii (XVIII–nachalo XX v.)* [Social History of Russia in the Period of Empire (18th–early 20th Century)]. (Vol. 1). St. Petersburg: Dmitriy Bulanin. [In Russian].

Zefirov, N. (ed.) (1908). *Mogilevskaya eparkhiya. Istoriko-statisticheskoe opisanie* [Archdiocese of Mogilev. Historical and Statistical Description] (1908). (Vol. 1, issue 2, part 2). Mogilyov: Skoropechatnya i litografiya Sh. Fridlanda. [In Russian].

Pirling, P. (1912). *Rossiya i papskiy prestol* [Russia and the Papal Throne]. (Vol. 1). Moscow: Pechatnya A. L. Budo. [In Russian].

Speranskiy, M. M. (Ed.). (1830). *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii. Sobranie pervoe. 1649–1825* [Complete Collection of Laws of the Russian Empire. First Collection. 1649–1825] (Vol. 23). St. Petersburg: Pechatano v Tipografii II Otdeleniya Sobstvennoy Ego Imperatorskogo Velichestva Kantselyarii. [In Russian].

Pypin, A. N. (2005). *Istoriya russkoy etnografii* [History of Russian Ethnography]. Minsk: BelEn. [In Russian].

O soobshchenii v Departament Dukhovnykh Del Inostrannykh Isповедaniy svedeniya o chisle prisoedinivshikhsya Uniatov v Zapadnykh Guberniyakh [On the report to the Department of Spiritual Affairs of Foreign Confessions about the number of joined Uniates in western provinces]. Russian State Historical Archive (n.d.). F. 797. Op. 16. D. 38385. [In Russian].

Obozrenie vazhneyshikh Bazilianskikh monastyrey, proizvedennoe po Vysochayshemu poveleniyu chlenom Kollegii Greko-unitskoy Arkhimandritom Iosafatom Zharskim [Review of the most important Basilian monasteries, made by imperial order by a member of the Collegium of Greek-Unite Archimandrite Josaphat Zharsky]. Russian State Historical Archive (n.d.). F. 824. Op. 2. D. 213. [In Russian].

Po opredeleniyu Sinoda, o zatrebovaniy ot sinodal'nogo chlena, Pskovskogo arkhiepiskopa Innokentiya i Mogilevskogo episkopa Georgiya vedomostey o kolichestve uniatskikh tserkvey, stavshikh pravoslavnyimi v ikh eparkhiyakh i uezdakh i o kolichestve pravoslavnykh tserkovnosluzhiteley v etikh tserkvakh [By definition of the Synod, which requested from a member of the Synod,

Archbishop Innokentii of Pskov and Bishop George of Mogilev reports on the number of Uniate churches that became Orthodox in their dioceses and counties, and on the number of Orthodox clergy in these churches]. Russian State Historical Archive (n.d.). *F. 796. Op. 62. D. 217*. [In Russian].

Po otnosheniyu Polotskogo arkhiepiskopa Lisovskogo, o dela-emykh latinskim dukhovenstvom uniatskomu pritesneniyakh [Relation from the Archbishop of Polotsk, Lisovsky, about the oppressions of the Latin clergy against the Uniates]. Russian State Historical Archive (n.d.). *F. 797. Op. 6. D. 22303*. [In Russian].

Raporty kamergera Skripitsyna po obozreniyu im grekounitskoy eparkhii [Reports chamberlain Skripitsyn on his review of the Greco-Uniate diocese]. Russian State Historical Archive (n.d.). *F. 797. Op. 87. D. 18*. [In Russian]

Romanchuk, A. A. (archpriest). (2018). *Mitropolit Iosif (Semashko): ocherk zhizni i tserkovno-obshchestvennoy deyatel'nosti* [Metropolitan J zef (Siemaszko): An Essay on Life and Church and Social Activities]. Moscow–Minsk: Obshchestvo lyubiteley tserkovnoy istorii. [In Russian].

Runkevich, S. G. (1893). *Istoriya Minskoy arkhiepiskopii (1793–1832)* [History of the Archbishopric of Minsk (1793–1832)]. St. Petersburg: Tipografiya A. Katanskogo i K°. [In Russian].

Kołbuk, W. (1998). *Kościół wschodnie w Rzeczypospolitej około 1772 roku* [Eastern churches in the Polish-Lithuanian Commonwealth around 1772]. Lublin: Instytut Europy Środkowo Wschodniej. [In Polish].

Filatava, A. (1997). *Palityka tsarskaga Źradu Ź adnosinakh da uniyatskay tsarkvy (1772–1838)* [The policy of the tsarist government in relation to the Uniate Church (1772–1838)]. In *Brestskay tsarkoŹnay unii — 400: materyyaly Mizhnar. navuk. kanf., Brest, 8–9 kastychnika 1996 g.* [Brest Church Union - 400: materials Intern. Sciences. conf., Brest, October 8-9, 1996] (pp. 84–88). Brest: Brest State University. [In Belarusian].

Mironowicz, A. (2008). *Diecezja bialoruska w XVII i XVIII wieku* [Belarusian diocese in the 17th and 18th centuries]. Białystok: Wydawnictwo uniwersytetu w Białymstoku. [In Polish].

Radwan, M. (2001). *Carat wobec kościoła greckokatolickiego w zaborze Rosyjskim 1796–1839* [The tsarist regime towards the Greek Catholic Church in the Russian partition of 1796–1839]. Roma; Lublin: Polski instytut kultury chrześcijańskiej. [In Polish].